Текст · 2 августа 2024, 20:45
Давид Френкель,

«Мы еще вчера утром думали, что нас везут на расстрел». Саша Скочиленко — о том, как проходил обмен заключенными

Освободившиеся в результате обмена политзаключенные из России пока проходят обследование в госпитале немецкого города Кобленц. Давид Френкель встретил у ворот госпиталя Сашу Скочиленко и записал ее рассказ о том, как она впервые за два года погладила кошку и на прощание послала на хуй спецназовца ФСБ, который конвоировал участников обмена в самолете.

Мне говорят: «Залезай в автозак», и, как бы, мы едем. И говорят: «Мы заедем еще за одним политическим в "Горелово[1]"». Я думаю: «Господи, кто сидит в "Горелово", кто сидит в "Горелово"?». Не могу вспомнить кто.

Потом я приезжаю в «Горелово» и сижу там в сборном отделении, которое, к слову, намного лучше, чем в женском СИЗО. Там не бетонный пол, там оно просторное и сравнительно чистое, и там работает вся сантехника! В общем, я ходила, истоптала этот пол вдоль и поперек, пока думала, зачем мы вообще едем. Составляют на меня новое дело или нет? Или это как-то связано с ходатайством о помиловании, которое меня внезапно попросили написать?

Причем она мне сказала... Я говорю: «А что мне написать?». Она говорит: «Ну, напишите там,

например, что я не виновата... Короче, просто про здоровье свое напишите». Ну, я написала то же самое, что говорила в суде и <ўирзбў омбудсмену. В итоге я узнала, что на самом деле я могла вообще ничего не писать и вышло бы то же самое, по сути.

Короче, сижу в сборном отделении, открывается дверь, мне говорят: «Слушай, Саша, короче, все, давай, собирай вещи, есть пять минут посидеть на дорожку». И тут в сборную входит кошка трехцветная, такая милая! А нам запрещено гладить кошек, поэтому они супердикие! То есть женщинам запрещено в женском СИЗО гладить кошку, представляете, какое наказание? А в «Горелово» кошки все домашние, их там все гладят! Короче, она просто... Я два с половиной года не гладила ни одно живое животное. Она идет ко мне и ластится ко мне, я ее глажу, пытается забираться на ручки! Она была трехцветная, я поняла, что это девочка. Трехцветная кошка приносит удачу, и я поняла, что это очень хороший знак.

Видео на YouTube

YouTube

Саша Скочиленко — о том, как проходил обмен заключенными

@Медиазона

https://www.youtube.com/watch?v=fCxmiWItMoA

Следом случился еще один хороший знак. Я вышла из дверей, а там Пивчик! Андрей Пивоваров! Я его знаю просто с 2011–2012 года, пока еще работала в газете «Бумага». Нативная реклама... Снимала для них много видео, вы можете с ними ознакомиться в ютуб-канале газеты «Бумага». Вот и смотрю:

Пивоваров. Он на меня смотрит и говорит... А у него еще шмота столько много, просто сто пятьсот сумок! У меня, блин, три сумки, короче, сумка, типа, с 15 книгами, или что-то в таком духе! Он говорит: «Саша, — говорит, — я тебя увидел и понял, что все точно будет хорошо. Раз ты и я едем, на нас точно не могут завести ни одно общее дело, потому что мы не виделись, типа, около десяти лет!».

Ну и все. Мы едем в Москву, такое, типа, роуд-трип. Меня даже выпустили пару раз, короче, сходить на заправку в туалет. И я, блин, увидела лес! Я такая: «Неужели я скоро в нем побуду?». Короче, побуду, но только не так, как я ожидала, к сожалению! Потом мы приехали в это сраное «Лефортово». Я тогда еще вспомнила интервью этой женщины из «Руси сидящей», ее спросили, где бы она хотела посидеть, а она сказала, что в «Лефортово». Она такая: «Ну вот, я думаю, в "Лефортово", там компания хорошая». И я это вспомнила и поняла, что забыла кипятильник. Андрей сказал: «Слушай, у меня есть чайник, я тебе могу его дать». Я говорю: «О, супер, круто, мы заедем, я спрошу у тебя чайник».

Нас, естественно, развели по разным комнатам — там шмон, все такое. И, короче, мне говорят: «Че у тебя, кипятильника нет?». Я говорю: «Ну нет, я говорю, вот, Андрей Пивоваров мне хотел дать чайник». Он говорит: «А кто такой Андрей Пивоваров?». Я говорю: «Ну, Андрей Пивоваров, он со мной приехал». «Не знаю, не доехал... Может быть, дальше поехал?».

Это был какой-то начальник, он отказался представляться. Он сказал ключевую фразу про это место: «"Лефортово" — страна чудес. Человек заехал

и исчез». Понимаете атмосферу примерно? Еще он сказал, что беруши мне не понадобятся, потому что там тишина. И это реально было так, потому что там все... Ну, там такая атмосфера, что кажется, что тебе не стоит издавать ни звука.

У меня забрали почти все вещи. У меня оставили черную робу, хотя женщинам положено зеленую! «Лефортово», я так поняла, это, как бы, почти исключительно мужская история, потому что там сотрудники — мужчины, доктора — мужчины, фельдшера — мужчины. У меня все таблетки... И не как в СИЗО выдавали на сутки, порциями — нет! А здесь ко мне пришел фельдшер, мне на ночь надо было выпить таблетку. И он такой говорит: «Слушай, я к вам завтра не буду два раза приходить. Давайте я вам утром дам все препараты, и вы их так горстью — ам?». Я говорю: «Ну, вы не понимаете, там, как бы, сонный нейролептик. Вот что я буду, по-вашему, делать? Я выпью антидепрессанты с нормотимиком [2]-

и нейролептиком, буду, на хуй, спать весь день?». «Ну, ничего, быстро время пройдет!». Но мы переговорили с главврачом, и эту проблему мы решили. Мы договорились, что они будут приносить кипяток, что было весьма кстати, потому что почти никакой еды мне было там нельзя[3]. Какая-нибудь сечка на завтрак

— нет, я не могу ее поесть. «Принеси мне, пожалуйста, кипяток».

Фото: Давид Френкель / Медиазона

Хорошо, что у меня были с собой какие-то передачки сухие родных, но чаще всего это был просто голод, голод, голод, голод и холод. Мне было очень холодно в этой робе. Ну, может, среднестатистическому человеку там было жарко, но мне было холодно, потому что у меня низкое давление, еще у меня анемия недавно началась. Просто я думала, что умру там, на хрен, от холода. Просто, как в лесу, холодно в этой робе, там просто штаны одни, кофта... Но, надо сказать, она выглядела довольно стильно. Думаю, что когда-нибудь сошью такую робу и сделаю из нее сценический костюм для выступлений — разошью ее бисером, всякими узорами!

На четвертый день открывается дверь, и они так вежливо говорят: «Собирайте свои вещи, вы сейчас, типа, выходите». Ну ладно, окей, я думаю, что выйдем сейчас из «Лефортово», там нас встретят наши родные, будет все круто!

Нет, мне приносят документы, говорят: «Вот ваша справка о помиловании, подпишите. Когда вы выйдете отсюда, мы отдадим вам ваш паспорт и ваши копии и справки о помиловании». Окей, класс! Они такие вежливые: «Давайте вам поможем ваши сумочки понести!».

Мы спускаемся в самый низ, и в самом низу стоит примерно 15 таких братков, как мы потом узнали, из отряда «Альфа»[4], из спецназа. В балаклавах.

Очень грозные, очень брутальные. И они выводят меня из дверей. Я говорю: «Куда это мы идем?». А там стоит автобус, такой комфортабельный бас. Говорят: «Давайте, собирайтесь в автобус». Я говорю: «Слушайте, может, я не хочу в автобус?».

Но понятно, что, как бы, не предполагается никаких вариантов! Я захожу в автобус, думаю: ну, сейчас тут будут остальные политзаключенные, я с ними сяду, весело поеду. Но я гляжу, что там да, сидят политзаключенные, но на соседнем кресле от них сидит по братку по этому... И мне тоже предлагается сесть с каким-то братком, который даже не хочет представляться. Я начинаю говорить с другими политзаключенными, а этот браток начинает на меня орать: «Будешь пиздеть — в пакете поедешь с наручниками на руках».

И нам никто не говорит, куда мы едем, на хуя мы едем, на хрена мы едем — и если честно, вот первые такие мысли были в это жесткое утро, не знаю, что нас на какой-то расстрел везут вообще.

То есть просто других мыслей не было. Когда других заводили, некоторых заводили вот так вот, заламывая руки. Когда мы сели, тогда уже пришел представитель ФСБ и сказал нам: «Это политический обмен». Мы такие: окей. Просто за несколько лет в тюрьме каждый из нас привык, что они врут всегда — они смотрят вам в лицо и просто врут, врут, врут, поэтому может быть все что угодно. Может быть, нас увезут в лес и на хуй расстреляют. Я говорю сейчас об этом весело,

но я была просто в состоянии шока. Атмосферка была очень, очень тяжелая.

Потом мы приехали в служебный аэропорт «Внуково», нас погрузили на такой маленький, очень странный самолет. Очень странный, не знаю, как декорации самолета. Там были стюардессы, но они больше выглядели как, не знаю, сотрудницы ФСИН, переодетые в форму стюардесс — с какими-то пропитыми такими лицами, с очень грозными лицами. Они вначале еще сделали вид, что развозят напитки, но нас не покормили, ничего. Но братки все предусмотрели — они взяли с собой все, как в поезде РЖД: кура в фольге, вареные яйца, огурчики, бутерброды. Они хотели откинуть кресло и на него разложиться, но стюард предложил стол. Кстати, когда стюард показывал жилет и всю эту хуйню, он даже сам не знал, где он надувается. То есть было понятно, что это ненастоящие стюардессы. Хорошо, что пилот был настоящий! Очень хорошо нас довез, здесь никакой критики нет... Но это тоже было вот всю дорогу — что, типа, «я надену на тебя на голову мешок».

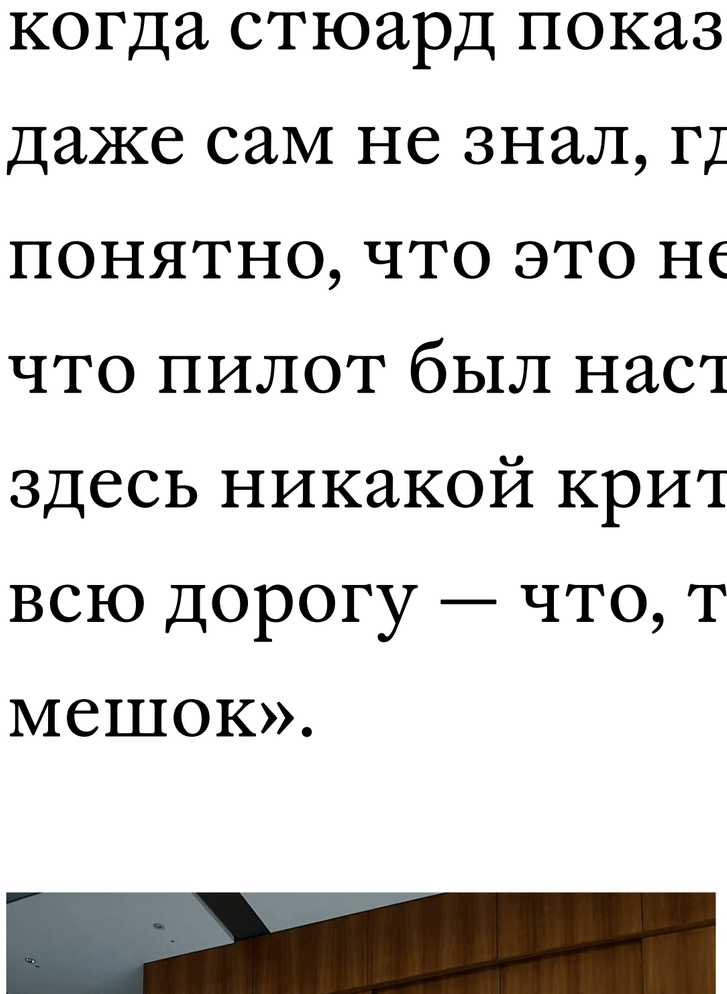

Фото: Татьяна Фельгенгауэр / Медиазона

Некоторые были разговорчивыми. Сзади меня сидел Кара-Мурза — очень приятный человек, я с ним познакомилась. Он очень добрый, стремится всем помочь. При этом он очень по-простому со всеми разговаривает, очень, ну, дружелюбный, я очень впечатлилась этим человеком! А с ним рядом сидел такой [спецназовец], который любит слушать разговоры. И я не знаю, почему Кара-Мурза с ним беседовал, но я стала слушать и услышала на том моменте, когда этот браток ему втирал: «Все-таки женщина должна быть женщиной, мужчина должен быть мужчиной, вот мой друг живет в Канаде, но он хочет в Россию, потому что вот детям говорят, что ребенок может быть тем, кем он хочет». В общем, стандартный такой русский разговор на тему традиционных ценностей. Почему Кара-Мурза так открыто с ним беседовал, как будто слышит такое в первый раз?

Нам долго не говорили, куда мы вообще летим. Были мысли, что вообще самолет разобьется, нас всех на хрен собьют... Просто шоковое состояние было — оно просто было как жесть, понимаете, как жесть! Но мы прилетели в Анкару.

Там нас выгружают из самолета, заводят в автобус, и там очень серьезные турки, очень стильные, в черных, короче, костюмах, просто как во всех турецких современных сериалах, в солнечных очках, в пиджаках. Короче, настолько отличаются от наших таких чуваков! На суперстиле, все с парфюмом!

Потом приходят представители Германии, и они начинают нас сверять по фото из интернета. Так, он — не он. Ну мало ли, вдруг вместо нас каких-то

подсадных чуваков подсадят и обменяют не на тех? Параллельно мы смотрим в окно и видим, как в самолет заводят Красикова и всех остальных. Я представляю его шок, что он после прайват джета, который привез его в Анкару, садится в этот самолет, где ему не предложат даже еды. Но надеюсь, все было хорошо, бог ему судья!

И все, мы сели в автобус, мы поехали на велком-зону. Мы пошли туда, пили кофе, чай, беседовали с представителем Германии. Он нам сказал: «Все, вы свободны». Все говорят, что именно в этот момент они почувствовали, что мы свободны, что все, угроза миновала, что теперь будет все хорошо. Братки ушли, я показала им факи в окно: до свидания, до свидания, уходите! Один со мной попрощался, я говорю: «Иди на хуй!». Но он сделал вид, что не слышал.

Мы сели в автобус. И он нас подвез к прайват джету. Я в первый раз видела такое. Там были кресла королевские! Было неимоверно круто, я, может, никогда в жизни больше не полечу на таком самолете, но впечатлений была масса! Мы хорошо поели и выпили кофе.

Конечно, все политзаключенные, они представляли эту поездку по-другому — что мы там будем бухать шампанское с утра. Но этого не случилось, и я очень рада, потому что сама не люблю пить. Прямо на борту они составляли список политзаключенных, которых, как бы, с нами не было, а хорошо бы, чтобы они были. Отчасти разделяю. Конечно, это чувство есть, что я оказалась счастливчиком, а кто-то остался там... И учитывая исторический масштаб этого события,

навряд ли оно повторится в ближайшие, может быть, лет 50. Но кто знает? Никто не знает.

Фото: Давид Френкель / Медиазона

Я оказалась на этом месте. Я не жалею об этом. Я не говорю, что я бы хотела с кем-то поменяться, это было бы вранье. Мне спасли жизнь. И больше нечего сказать. И там огромная заслуга моей семьи, Сони[5], моих друзей, газеты «Бумага» и «Медиазоны», которые пиарили меня вообще как могли, потому что я не исключительный человек, но моя медиакампания сделала меня очень громкой и очень исключительной. Это все благодаря вам, моим друзьям, моим любимым, моей маме, которая тоже постоянно-постоянно за меня боролась! Это все благодаря этому. Благодаря этому мы вышли на этот уровень, и моя история прозвучала так, что я смогла оказаться на этом самолете. Это просто плод огромных усилий множества-множества людей, и я очень всем благодарна, как вообще никому другому.

Мы прилетели на этом самолете. Я была настолько травмирована этим днем, у меня просто уже симптомы ПТСР пошли, я первый раз испытала дереализацию. Деперсонализация — это когда ты смотришь со стороны и видишь фильм как будто про себя. На самом деле очень многие люди, которые летели, они говорили: «Блин, мне кажется, что это сон, мне кажется, что это сон, мне кажется, что это не происходит на самом деле. Мне кажется, я в своей

камере. Этого не может быть». То есть никто не мог поверить всю дорогу, что это происходит. И не было людей, которые прыгали до потолка от радости, нет! Это были просто потерянные, не понимающие ничего люди, которые не улыбались во весь рот — они просто, типа, были ошарашены всем, что происходит. Иногда они выглядели даже грустно, типа, потому что тюрьма, как бы, нас не отпускала.

Например, я не ела с утра. Но я сидела в этом джете, они говорили про политику, мы летели час или полтора, и я думала: «Блин, почему нам не предлагают поесть? Почему не предлагают поесть? Почему не предлагают?». А потом я вспомнила: «Блин, почему какие-то люди должны предлагать мне поесть?». За меня два с половиной года решали, когда я буду есть, что я буду есть, когда я буду гулять, когда я буду звонить, когда я буду вставать, когда я буду спать... Я больше не заключенная, я могу сама решать, когда я хочу есть! Я просто сказала: «Мне жаль прерывать вашу беседу, вашу дискуссию, но можно, пожалуйста, поесть?». «Конечно, вот, проходи на кухню, выбирай что хочешь, салаты, сэндвичи». Там салат, который мне можно! Я его съела, там были удивительно вкусные напитки. Я просто первый раз вообще за еду порадовалась. Я ощутила немного свободы.

Потом мы прибыли в аэропорт, и я реально видела это все как фильм из своих глаз. Все было нереально каким-то ярким, каким-то странным. Я испытывала очень странное ощущение. Знаете, не такое, как когда выпил или низкое давление, нет. Как будто ты находишься в какой-то невесомости. И твое тело очень странно двигается. Мы пришли, нас встречал Олаф Шольц. Мы выходили из аэропорта.

Затем нам производили всякие манипуляции с документами. Мы сдавали свои отпечатки пальцев. Параллельно проходила встреча с Шольцем. У нас была политическая повестка, нашлись люди, которые высказались за всех нас.

Я подумала, что мне, собственно, нечего добавить, потому что Шольц — занятой человек. И что, он будет нас час, что ли, слушать? Понятно, что мы все очень благодарны. Я когда жала ему руку, я так и сказала. Что я могу еще к этому добавить?

После этого нам сказали, что вы можете сейчас поехать в больницу, в военный госпиталь, там вас обследуют. После этого в воскресенье вечером вы можете ехать куда хотите. За это время мы решим вашу ситуацию с документами. На улице мы вас не оставим, все будет хорошо, не переживайте, вы свободные люди.

Все эти люди, которые были с нами сквозь эти бюрократические процедуры, они очень нас поддерживали, они были крайне вежливы с нами. Это было удивительно — после двух с половиной лет тюрьмы ощутить, что кто-то относится к тебе с уважением, кто-то относится к тебе как к человеку. Понимаете, просто вежливо с тобой говорит, улыбается тебе, как бы говорит тебе: «Ты человек, я тебя поддерживаю, все будет хорошо, не волнуйся, ты теперь свободный человек». А мы все идем и не можем в это поверить.

Кевин Лик. Фото: Татьяна Фельгенгауэр / Медиазона

Некоторые у нас вообще были в робах, потому что они ехали из зоны, им сказали: «Бери только зубную щетку и тапки». Например, Кевин[6], он приехал в робе, у него только зубная щетка и тапки. Кара-Мурза, он приехал в кальсонах и тапках. Яшин тоже приехал в робе из ПКТ[7].

Ну ничего, слава Богу, сейчас все туда отвезли [ребята] из ФБК. Им туда доставили одежду, им все купили, купили телефоны, то есть все с этим хорошо, они всем обеспечены, очень чисто, хорошо одеты, поехали на конференцию[8].

А мы [сейчас] в госпитале, все очень хорошо, к нам очень хорошо относятся, нас очень хорошо кормят. Журналистов сюда не пускают, на самом деле, это большой плюс. То есть самое страшное, что бы произошло, чтобы после этого огромного шока нас на улице окружила толпа журналистов, если честно.

Как бы я ни уважала эту работу и как бы я, ну, как бы ни присоединялась к этому опыту, потому что я сама была журналисткой… Все равно, на самом деле, это большой стресс. Пока мы находимся в очень уязвимом

состоянии. Мы еще вчера утром думали, что нас везут на расстрел — ну, то есть, понимаете, да?

Нам выдали сейчас визу. На 15 дней пока что, но ее продлят. То есть мы сможем путешествовать по всей территории Германии. Скоро мне выдадут — ну, может быть, не скоро, а через какое-то время — выдадут разрешения на перемещение по территории Евросоюза.

Пока я хочу обосноваться в Германии. Я считаю, что если эта страна хочет меня видеть и эта страна меня пригласила и обменяла, то, как бы, блин, ну, не жить здесь как минимум невежливо.

Тем более мне здесь очень все понравилось. И я считаю, что это просто идеальная страна для меня.

Я встретилась с Соней. И просто чувствую, что все хорошо.

Редактор Дмитрий Ткачев

---

1. СИЗО № 6 УФСИН по Петербургу и Ленобласти.
2. Стабилизатор настроения.
3. У Саши Скочиленко целиакия — наследственная непереносимость глютена. Людям с таким диагнозом противопоказаны любые продукты из пшеницы, ржи, овса и ячменя.
4. Антитеррористическое спецподразделение ФСБ.
5. Девушки Саши Соня Субботина.
6. Кевин Лик, 18-летний школьник из Адыгеи, осужденный по делу о госизмене на четыре года колонии.
7. Помещение камерного типа.

8. На пресс-конференции в Бонне выступили Владимир Кара-Мурза, Илья Яшин и Андрей Пивоваров.